
С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

О.Н. ПРЯЖНИКОВА*

**СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ТРАВМЫ:
СВЯЗЬ ЛИЧНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО**

Рец. на кн.: Muldoon O.T. The social psychology of trauma: connecting the personal and the political. – Cambridge: Cambridge university press, 2024. – 202 p.

Для цитирования: Пряжникова О.Н. Социальная психология травмы: связь личного и политического: рецензия // Политическая наука. – 2025. – № 4. – С. 290–302. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.13>

Книга социального психолога, профессора Лимерикского Университета (University of Limerick) Орлы Терезы Малдун «Социальная психология травмы: связь личного и политического», опубликованная в 2024 г., исследует влияние травматического опыта на социальную идентичность, а также на политическую позицию людей и их стремление к социальным и политическим изменениям. Предлагаемый автором подход интегрирует социальную и клиническую психологию, с его помощью О.Т. Малдун увязывает личный опыт травмы с положительной и отрицательной персональной и социальной трансформацией, которая может способствовать социальным и политическим изменениям в обществе.

* **Пряжникова Ольга Николаевна**, научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: olga.priazhnikova@inion.ru

На многочисленных примерах автор демонстрирует, как травматические события, актуальность которых растет в последние годы (военные, социальные и политические конфликты, гендерно обусловленное насилие и насилие внутри семьи, террористические акты и события пандемии), могут, с одной стороны, способствовать возникновению новых социальных групп и идентичностей (беженцы, сироты, вдовы и т.д.) или консолидации (например, гендерных и расовых групп, как происходит в процессе развития движения *metoo* и *Black lives matter*), а с другой – укоренить существующее социальное разделение и усилить групповые идентичности.

Автор ставит перед собой задачу контекстуализировать травматический опыт для более глубокого понимания его природы и влияния на социально-политическое измерение жизни человека, в том числе на стратегии его преодоления. В результате читатель получает детальную картину того, как переживание травмы и трудности ее преодоления обусловлены социальными факторами, такими, как статус групп, к которым принадлежат пострадавшие (возраст, пол, класс, этническая принадлежность и т.д.). Важно отметить, что данное издание вносит вклад в корпус литературы о социально-психологических основах травмы [Slone, Kaminer, Durrheim, 2000; Muldoon, Trew, Kilpatrick, 2000; Dietrich et al., 2019] и о травматическом изменении идентичности в рамках модели социальной идентичности [Reicher, Spears, Haslam, 2010; Muldoon et al., 2019; Reicher et al., 2006], а также развивает относительно новую тему коллективного посттравматического роста.

– Книга включает семь глав. В первой главе рассматриваются современные теоретические модели личной травмы и предлагается рабочее определение психологической травмы. Автор использует термин «травма» для обозначения личного опыта людей, связанного со смертью, угрозой смерти, реальной или вероятной физической травмой, актом сексуального насилия или соответствующей угрозой¹. Травма возникает при непосредственных личных переживаниях, когда индивид сам является жертвой травми-

¹ Это соответствует традиционно используемому западными специалистами определению травмы согласно «Диагностическому и статистическому руководству по психическим расстройствам» (Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders), публикуемому Американской психиатрической ассоциацией (American Psychiatric Association). Согласно ему, травма в основном ассоциируется с острыми и посттравматическими стрессовыми расстройствами (ОСР и ПТСР).

рующего события, либо при косвенных переживаниях, когда он становится свидетелем травмы или узнает ее подробности. При этом автор использует широкий подход к пониманию травмы, опираясь на предложенную психологом В. Крупником гибридную модель, основанную на общей теории стресса. В соответствии с данной теорией травматический опыт является лишь одним из элементов процесса травмы, и данный опыт влияет на исход травматического переживания, определяющийся способностью людей адаптироваться, реагировать и действовать в соответствии со своими представлениями [Krupnik, 2020]. То есть травматические реакции рассматриваются как часть процесса травмы и обусловлены социальными, психологическими и материальными ресурсами людей, которые задействованы в изменениях, сопровождающих травму (р. 8). Таким образом, О.Т. Малдун рассматривает травму и адаптацию к травматическим событиям не только как психологические явления, но и как социальные и политические. Кроме того, для обозначения симптомов, возникающих вследствие травмы, автор предпочитает использовать термин «посттравматический стресс», а не ПТСР, стремясь избежать стигматизации травмированных. Подчеркивая, что устойчивость (способность восстанавливаться) является основной реакцией переживающих травму (в результате войны, разного рода насилия, несчастных случаев, стихийных бедствий и т.д.), автор делает акцент на потенциально положительном результате опыта травмы – посттравматическом росте (ПТР). Когда люди демонстрируют ПТР, а не возвращаются к «уровню функционирования до травмы», они сообщают о положительных психологических и социальных изменениях, включая улучшение отношений с другими людьми, обновленное представление о смысле жизни и новых возможностях (р. 11).

Также О.Т. Малдун делает акцент на необходимости исследования социальных и политических аспектов травмы. Во-первых, травматические переживания, возникающие в результате преднамеренных человеческих действий, имеют больше патологических последствий, чем самые серьезные «случайные» травмы. Во-вторых, намеренно нанесенная травма подрывает доверие к людям и социальную сплоченность. В-третьих, социальные эффекты травмы обусловлены тем, что она опосредованно затрагивает как членов семей или друзей пострадавших, так и свидетелей, столкнувшихся с травматическим событием при исполнении своих профессиональных обязанностей (р. 12).

Будучи психологом, О.Т. Малдун рассматривает травму через призму социальных отношений. Хотя автор и не связывает свой подход напрямую с существующими социальными теориями, анализируемые в последующих главах последствия травматических событий во многом иллюстрируют определение социальных травматических симптомов, предложенное П. Штомпкой в рамках его теории культурной травмы. Польский социолог описывает эти симптомы на биологическом (деградация населения, сокращение продолжительности жизни, рост самоубийств), социальном (разрушение социальных и экономических отношений, иерархии и т.д.) и культурном (этнические / национальные травмы, выражающиеся во взрывах внутригрупповой ненависти, конфликтах, войнах) уровнях [Штомпка, 2001, с. 10].

Так, во второй главе рассматриваются негативные последствия посттравматического стресса как результата травматического опыта: ухудшение здоровья, злоупотребление алкоголем и психоактивными веществами, депрессии и другие сопутствующие заболевания; возможная стигматизация пострадавших, что способствует социальным разногласиям в обществе; а также социальные и экономические издержки в виде роста бедности, инвалидизации населения, сокращения занятости или вынужденной неполной занятости (как самих травмированных, так и членов их семей, осуществляющих уход за ними), миграции, разлучения семей, бездомности, трудностей социальной интеграции и т.д.

Говоря о социальных последствиях травмы, автор уделяет особое внимание ее влиянию на детей и молодежь, например, когда молодые люди сталкиваются с постоянными жесткими нарушениями прав человека и неспособностью «нравственного большинства» вмешаться и защитить уязвимых членов их семьи или сообщества. Утверждается, что подобные ситуации способствуют активному участию молодежи в протестах, а в обществе, где существует устойчивое социальное разделение и враждебность, – в актах уличного насилия и беспорядках. Автор подчеркивает, что подобные враждебные взаимодействия и сопутствующие травмирующие переживания снижают социальную сплоченность, доверие к таким институтам, как полиция или армия, и в целом к государственной системе, защищающей привилегированных членов общества, и способны трансформироваться в разнообразные социально разрушительные практики (р. 39).

В третьей главе автор переходит к анализу социальных, экономических и политических факторов, которые влияют на степень

подверженности людей травмирующим событиям и их уязвимость при столкновении с ними. Анализ данных о пострадавших в конфликтах в Северной Ирландии, Ливане, ЮАР, Сирии, Израиле и Палестине позволил О.Т. Малдун подтвердить тот факт, что от военных конфликтов и политического насилия в большей степени страдают бедные слои населения, представители разнообразных меньшинств и этнорелигиозных групп (р. 54). При этом молодые мужчины из таких сообществ с большей вероятностью становятся жертвами уличного насилия или политического конфликта, тогда как женщины в значительно большей степени, чем мужчины, подвергаются разным видам насилия, обусловленным половой принадлежностью¹ (35% женщин во всем мире испытали подобный травмирующий опыт) (р. 62).

В последующих главах, чтобы углубить понимание особенностей травмы, автор рассматривает ее через призму подхода социальной идентичности². Этот подход связывает риск травматизации и сам опыт травмы с формированием идентичности, основанной на членстве в группе. Такая группа, с одной стороны, предоставляет ресурс для преодоления травмы, а с другой – может обострять различия между группами. Данный подход представляется вполне релевантным, в том числе для описания феномена культурной травмы, которая формируется посредством преобразования связей между членами общества, изменения в их групповом сознании и трансформации их идентичности [Александр, 2012].

¹ Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) определяет насилие в отношении женщин как любой акт насилия по половому признаку, который приводит или может привести к физическому, сексуальному или психологическому вреду или страданиям женщин, включая угрозы таких актов, принуждение или лишение свободы (см.: <https://www.unhcr.org/what-we-do/protect-human-rights/protection/gender-based-violence>).

² Теория социальной идентичности (social identity theory), разработанная и А. Тэшфелом (Н. Tajfel) и коллегами в 1970-х годах, позволяет определять и прогнозировать обстоятельства, при которых человек осознает себя в качестве обособленного индивида или в качестве члена группы. Теория самокатегоризации (self-categorization theory) Дж. Тернера (J. Turner), или теория социальной идентичности группы, объясняет то, как люди интерпретируют свое собственное положение в различных социальных контекстах, и то, как это влияет на их восприятие других, а также на их собственное поведение в группе. Проведение исследований на основе «подхода социальной идентичности» (social identity approach) опирается на сочетание теории самокатегоризации и теории социальной идентичности.

В четвертой и пятой главах автор, опираясь на обширные эмпирические данные, раскрывает значимость социальной идентичности в контексте травмы. О.Т. Малдун делает акцент на ряде аспектов. Во-первых, травматические события способны закрепить существующие социальные разделения и групповые идентичности. Члены группы, имеющие схожий опыт травмы, приходят к пониманию своего положения и своего места в обществе, и таким образом членство в группе становится определяющим для их социальной идентичности. Автор приводит в пример афроамериканцев, переживших опыт полицейского насилия, который стал драйвером движения Black Lives Matter в США; католическое ирландское население в Северной Ирландии; палестинцев, находящихся под угрозой ракетных атак на Ближнем Востоке. Автор подчеркивает, что представителям этих групп, идентифицирующим себя как «черный», «католик» или «палестинец», присущ определенный тип травматического опыта, который неразрывно и глубоко связан с их социальной идентичностью (p. 78).

Во-вторых, в результате травматических событий возникают новые группы – «беженцы», «сироты», «жертвы», идентичность которых основывается на общем опыте войны, утраты или насилия.

В-третьих, травматические события могут сделать значимыми соответствующие социальные идентичности (*salient social identities*)¹. О.Т. Малдун приводит пример Северной Ирландии, где ирландцы, говорящие на родном языке, зачастую воспринимаются англоговорящими ирландцами как ирландские республиканцы. Поэтому ирландец, выбирая ирландскую речь, может интерпретировать свой опыт общения с другими сообществами с точки зрения своей национальной или политической идентичности. Травматические события, связанные с противостоянием и политическим насилием в Северной Ирландии, с большой вероятностью сделают такую групповую принадлежность значимой (p. 83).

В-четвертых, травматический стресс может дополнительно мотивировать на установление связей с другими людьми, также пережившими подобный опыт. Наличие общего опыта способствует психологической сонастройке (*psychological alignment*) с теми, кто воспринимается таким же, как ты. В результате, отмечает

¹ Подход социальной идентичности предполагает, что принятое в группе поведение актуализируется, когда социальная идентичность значима (т.е. активируется и проявляется) и становится основой для восприятия себя как части группы [Тхостов, Рассказова, Емелин, 2014].

автор, возникает чувство общей идентичности, что значимо для процесса оказания и получения социальной поддержки, обретения социальной и психологической устойчивости (р. 83). Также подчеркивается, что принадлежность к группе и усиление идентификации с ней после травматического опыта с большой вероятностью будет облегчать посттравматическую адаптацию и способствовать психологической устойчивости (р. 114).

И, наконец, автор переходит к рассуждениям о том, что травматические события способствуют интеграции личного и политического измерений соответствующего опыта. Используемый подход социальной идентичности в значительной степени касается функционирования личности и структуры идентичности, определяемых членством в группе, что позволяет О.Т. Мадлун изучить, как коллективное и политическое измерения влияют на индивидуальную психологию, а также на социальные и политические установки. Согласно теориям самокатегоризации и социальной идентичности, лежащим в основе подхода социальной идентичности, травмирующий опыт в группах с низким социальным статусом дает человеку особенно сильное чувство групповой принадлежности через сонастройку с другими ее членами: личная судьба психологически связывается с судьбой других (р. 87). Таким образом, переживания членов группы, находящихся в неблагоприятной ситуации, воспринимаются значимыми для других членов группы, что означает, что травма, пережитая членами группы, может иметь значительный волновой эффект во внутригрупповой динамике и даже способствовать антипатии к тем, кто не имел подобного опыта и «не понимает» его. В контексте межгрупповых процессов это может приводить к тому, что травматические события будут увязываться с определенной внешней группой и способствовать социально-политической поляризации общества (р. 88).

Шестая глава посвящена вопросам «настройки» (намеренной или неосознанной) социальной идентичности с помощью визуальных сигналов, таких, как изображения, символы, флаги и т.п. Утверждается, что ситуационные, социальные и политические сигналы формируют реакцию людей на травму и, благодаря эффекту фрейминга, могут, в частности, вызывать враждебные и гневные реакции по отношению к другим людям, которые воспринимаются как виновные или даже соучастники травмирующего события. В качестве иллюстрации своего тезиса О.Т. Мадлун приводит в пример предвыборную кампанию Дж. Буша 1988 г., когда для завоевания поддержки белых избирателей использовались об-

разы «небелых» как Других, а именно рекламный ролик, в котором чернокожий мужчина пересчитывал денежные купюры, а закадровый голос говорил, что «демократы хотят тратить ваши налоги на бесполезные государственные программы» (р. 126). Также приводится пример применения аналогичных «разделяющих» сообщений в ходе кампании за Брексит в Великобритании. Реклама, изображающая слабый иммиграционный контроль, осуществляемый ЕС, показывала огромные очереди «небелых» на границах Великобритании. Автор отмечает, что те, кто агитировал за Брексит, акцентировали расовую идентичность избирателей и добились в этом успеха, даже несмотря на то, что членство в ЕС позволяло «белому» населению, представляющему большинство в европейских странах, свободно мигрировать внутри Союза (р. 126).

Продолжая тему формирования социальных и политических взглядов, О.Т. Малдун обращает внимание читателя на тот факт, что наличие в обществе «оппозиционных» (противостоящих друг другу) групп и идентичностей поддерживает негативные чувства, в частности чувство несправедливости среди меньшинств и / или молодежи. Гендерные, политические, расовые и любые групповые различия, «выстроенные» как бинарные, имеют потенциал обострять и без того напряженные ситуации и усиливать разделение в обществе¹. Таким образом, в поляризованном контексте как члены доминирующей группы (большинства), так и группы меньшинства могут начать воспринимать социально-политический процесс как игру с нулевой суммой (если «они» выигрывают, «мы» должны проигрывать). Автор отмечает, что когда большинство увязывает травматический опыт с действиями меньшинства, эта оптика может привести к групповому протекционизму (укрепить защиту тех, кто уже находится в привилегированном положении) и подозрительности к меньшинствам. А для меньшинств травматический опыт, приписываемый действиям доминирующей группы, с большой вероятностью приведет к призывам осуществить социальные изменения (р. 131).

Рассуждая о динамике значимости идентичности, автор утверждает, что она возрастает или остаётся высокой, когда группа

¹ Автор ссылается на исследование, проведенное Т. Гурром по 233 политизированным группам в 93 странах, которое показало, что неравенство на основе группового разделения часто приводит тех, кто подвергается травмирующему воздействию, к прямым политическим действиям (см.: Gurr T. R. Why Minorities Rebel: A Global Analysis of Communal Mobilization and Conflict since 1945 // *International Political Science Review*. – 1993. – Vol. 14, N 2. – P. 161–201).

неоднократно подвергается агрессии. В результате идентичность меньшинств и другие недоминирующие идентичности могут сохранять «хроническую» значимость даже в мультикультурных обществах и обществах с низким уровнем неравенства. Изучая последствия политического насилия в Северной Ирландии, О.Т. Малдун и ее коллеге К. Шмид [Schmid, Muldoon, 2015] удалось подтвердить тот факт, что чувство угрозы усиливает идентификацию индивида со своей национальной группой – «как ощущение угрозы, так и прямой опыт насилия, могут привести к “хронически” значимой идентичности у членов меньшинств» (р. 134). Кроме того, анализ результатов социологических и этнографических исследований установок молодежи в Израиле, Палестине, Боснии и Хорватии дал возможность автору утверждать, что оценка и интерпретация травматического опыта определяют основу формирования моделей идентификации у молодого поколения в условиях продолжающихся конфликтов. Помимо этого, О.Т. Малдун и ее коллеги [Muldoon et al., 2008] обнаружили, что молодые люди в Северной Ирландии приводят социальную идентификацию с группой в качестве объяснения допустимости, справедливости и правомерности применения со своей стороны насилия при социально-политической конфронтации. Таким образом, отмечает автор, в ситуациях, когда идентичности значимы, а социальный контекст является разделяющим или противопоставляющим, идентичности, вместо того, чтобы становиться более сонастроенными внутри группы, могут способствовать политическим действиям или росту враждебности по отношению к внешней группе. Как следствие, в группах меньшинств, где идентичности увязываются с проблемой несправедливости, травматический опыт провоцирует гнев, который, скорее всего, будет реализован в политических действиях (р. 139).

В заключительной, седьмой, главе описывается, как последствия влияния травмы на идентичность могут стать драйвером позитивных социальных изменений. Возможность подобных изменений автор связывает с ПТР, который, согласно современным исследованиям, не является прямым результатом травмы, но, по-видимому, связан с преодолением психологических трудностей, возникающих вследствие травматического опыта, а именно с кризисом личной идентичности и периодом переоценки ценностей. Что касается коллективного ПТР, то О.Т. Малдун ссылается на результаты собственного исследования, проведенного с коллегами [Muldoon et al., 2017], которые показали, что посттравматическое «чувство» коллективной эффективности (ощущения, что сообще-

ство способно совместно преодолеть травму) способно внести значимый вклад и в ПТР индивида. Это происходит благодаря тому, что социальные идентичности, приобретенные из-за травмы, имеют потенциал для коллективного и индивидуального ПТР, так как благодаря членству в группах, новым социальным связям и взаимодействию с «активными» идентичностями происходит расширение возможностей для проявления активной социальной позиции и личностного роста (р. 152).

Особый интерес заслуживают размышления автора о коллективном ПТР – реакции на травму, приводящей к переопределению своего «социального Я» и стимулирующей общество заново отвечать на вопросы: «кто мы» и «как мы представляем свое будущее». Эти изменения в «социальном Я», в свою очередь, трансформируют чувство ответственности и лояльности к значимым группам, влекут изменения в социальных практиках (р. 154). В качестве иллюстрации О.Т. Малдун приводит исследование, проведенное ею в Северной Ирландии, в ходе которого были рассмотрены публичные заявления женщин – жертв сексуального насилия, которые сознательно отказались от своего права на анонимность в судебных процессах. Ключевой особенностью нарративов было то, что женщины говорили об усилившемся чувстве ответственности по отношению к другим женщинам и особенно к тем, которые пережили подобную травму, а также о необходимости изменения восприятия со стороны общества пострадавших от сексуального насилия. Женщины говорили о поддержке со стороны других женщин, переживших подобный опыт, и тех, кто был свидетелем того, как их близкие преодолели подобную травму. Женщины отмечали, что благодаря этим социальным связям, основанным на идентичности, они получали импульс для продвижения в публичной сфере социальных, культурных и правовых практик и норм, связанных с расследованием сексуального насилия (р. 155). Завершая главу, Т.О. Малдун формулирует свое видение коллективного ПТР как формы психологического роста, которая включает в себя большую осведомленность о возможностях и целях групп, членами которых мы являемся, обогащенное чувство себя как члена группы и более сильное чувство связи с другими членами группы. Этот коллективный рост или позитивное изменение индивида как члена группы, по мнению автора, является важным фактором социальных и политических действий и проявляется как связь между прямым личным опытом травмы и изменением социальных и / или политических приоритетов в обществе (р. 154).

В заключение отметим, что рассматривая травму и опыт ее преодоления как о социально обусловленные явления, О.Т. Малдун установила связь между личным опытом и трансформацией коллективных установок. Используя подход социальной идентичности, объединяющий клиническую и социальную психологию и политику, автор расширила понимание причин и следствий травматического опыта. В книге подробно изложены подтверждения того, что травматический опыт влияет на политические позиции людей и их стремление к социальным изменениям.

Очевидно, что видение автором травмы как социально обусловленного явления во многом соответствует концепции травмы как коллективного феномена. Это видение связывает травму с вопросами власти и привилегий, с одной стороны, и бесправием и ущемленным положением – с другой (например, в контексте вынужденной миграции, депортации или массовых убийств). Данную концепцию, в частности, описывает П. Штомпка, определяя травму как «состояние, переживаемое группой, общностью, обществом в результате разрушительных событий», действующих на коллектив [Штомпка, 2001, с. 10]. Таким образом, исследование О.Т. Малдун заставляет вновь взглянуть на дисфункции социальных систем как на факторы, повышающие риск травмы и психологическую уязвимость членов определенных групп.

Книга представляет интерес для широкого круга специалистов – как для тех, кто использует клинический подход к исследованию травмы, так и для представителей социальных и гуманитарных наук. Кроме того, работа будет полезна и более широкой аудитории: людям, пережившим травмирующие события, их семьям, а также специалистам, оказывающим социальную и психологическую поддержку. Этому способствует то, что О.Т. Малдун использует собственный опыт – пережитые травмы, связанные с насилием, террористическими актами и потерей близких во время пандемии коронавируса, – чтобы проиллюстрировать наиболее сложные концептуальные моменты исследования.

O.N. Pryazhnikova*

**The social psychology of trauma:
connecting the personal and the political: review**

For citation: Pryazhnikova O.N. The social psychology of trauma: connecting the personal and the political: review. *Political science (RU)*. 2025, N 4, P. 290–302. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.13>

References

- Alexander J. Cultural trauma and collective identity. *Sociological journal*. 2012, N 3, P. 5–40. (In Russ.)
- Dietrich H., Al Ali R., Tagay S., Hebebrand J., Reissner V. Screening for posttraumatic stress disorder in young adult refugees from Syria and Iraq. *Comprehensive psychiatry*. 2019, N 90, P. 73–81.
- Krupnik V. Trauma or drama: A predictive processing perspective on the continuum of stress. *Frontiers in psychology*. 2020, Vol. 11, Article 1248. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01248>
- Muldoon O.T., Acharya K., Jay S., Adhikari K., Pettigrew J., Lowe R.D. Community identity and collective efficacy: A social cure for traumatic stress in post-earthquake Nepal. *European journal of social psychology*. – 2017. – N 47 (7). – P. 904–915.
- Muldoon O.T., McLaughlin K., Rougier N., Trew K. Adolescents' explanations for paramilitary involvement. *Journal of Peace Research*. – 2008. – N 45 (5). – P. 681–695.
- Muldoon O.T. *The social psychology of trauma: connecting the personal and the political*. Cambridge: Cambridge university press, 2024, 202 p.
- Muldoon O.T., Trew K., Kilpatrick R. The legacy of the troubles on the young people's psychological and social development and their school life. *Youth & Society*. 2000, N 32 (1), P. 6–28.
- Muldoon O.T., Walsh R.S., Curtain M., Crawley L., Kinsella E.L. Social cure and social curse: Social identity resources and adjustment to acquired brain injury. *European journal of social psychology*. 2019, N 49 (6), P. 1272–1282.
- Reicher S., Spears R., Haslam S.A. The social identity approach in social psychology. In: Wetherell M., Mohanty C.T. (eds). *The sage handbook of identities*. 2010, P. 45–62.
- Reicher S., Cassidy C., Wolpert I., Hopkins N., Levine M. Saving Bulgaria's Jews: an analysis of social identity and the mobilization of social solidarity. *European journal of social psychology*. 2006, N 36 (1), P. 49–72.
- Schmid K., Muldoon O.T. Perceived threat, social identification, and psychological well-being: The effects of political conflict exposure. *Political psychology*. 2015, N 36 (1), P. 75–92.
- Slone M., Kaminer D., Durrheim K. The contributions of political life events to psychological distress among South Africans. *Political psychology*. 2000, N 21(3), P. 465–487.
- Sztompka P. Social change as trauma. *Sociological studies*. 2001, N 1, P. 6–14. (In Russ.)

* Pryazhnikova Olga, INION (Moscow, Russia), e-mail: olga.priazhnikova@inion.ru

Tkhostov A.Sh., Rasskazova E.I., Emelin V.A. Psychodiagnostics of subjective perception of one's own identifications: application of the modified "Who Am I?" technique. *National psychological journal*. 2014, Vol. 14, N 2, P. 60–71. DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2014.0208> (In Russ.)

Литература на русском языке

Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. – 2012. – № 3. – С. 5–40.

Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И., Емелин В.А. Психодиагностика субъективного восприятия своих идентификаций: применение модифицированной методики «Кто Я?» // Национальный психологический журнал. – 2014. – Т. 14, № 2. – С 60–71. – DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2014.0208>

Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6–14.